

Мышкина Альбина Федоровна, Ильина Галина Геннадьевна

МОДЕРНИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье поднимаются вопросы проникновения учений западноевропейской неклассической философии в поэтику национальной литературы начала XX века. Сформулирован авторский взгляд на становление чувашской классической литературы и на причины проникновения в нее модернистских тенденций западной культуры. Проанализирована поэма классика чувашской поэзии К. Иванова "Нарспи" с точки зрения выражения в ней элементов модернизма. Особое внимание уделено особенностям синтеза национального (чувашского) мировосприятия и неклассической философии в классическом произведении.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/8-2/36.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. II. С. 133-136. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 8; 82:82-8

Филологические науки

В статье поднимаются вопросы проникновения учений западноевропейской неклассической философии в поэтику национальной литературы начала XX века. Сформулирован авторский взгляд на становление чувашской классической литературы и на причины проникновения в нее модернистских тенденций западной культуры. Проанализирована поэма классика чувашской поэзии К. Иванова «Нарсти» с точки зрения выражения в ней элементов модернизма. Особое внимание уделено особенностям синтеза национального (чувашского) мировосприятия и неклассической философии в классическом произведении.

Ключевые слова и фразы: неклассическая философия; чувашская классическая литература; поэтика модернизма; «моделирование ситуации»; диалог западной и восточной философии; свобода выбора; синтез литературы и философии.

Мышкина Альбина Федоровна, д. филол. н.

Ильина Галина Геннадьевна, к. филол. н., доцент

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова

alb-myshkina@mail.ru; galii169@mail.ru

МОДЕРНИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА ©

Проблема выражения определенного философского мировоззрения в произведении литературы, в частности разработка учений неклассической философии в рамках модернистского направления литературы, не новая, но в области национальной литературы мало изучена и не решена. В связи с этим и вопрос конкретизации общепринятого понимания терминов «классическая литература» и «модернизм» становится актуальным для ее толкования. Так, «классическая литература – это корпус произведений, считающихся образцовыми для той или иной эпохи. Понятие классики в литературе складывается в три последних столетия античности. Первым классическим автором, безусловно, считался Гомер. Современный смысл понятия “классическая литература” уходит корнями в эпоху Возрождения, когда в процессе секуляризации европейской культуры писатели обратили своё внимание на античных авторов. В широком смысле слова понятие “классический” стало употребляться по отношению к любому произведению, которое задало канон для своего жанра» [10]. Как видим понятие «классическая литература» нашло свое выражение, в первую очередь, в недрах западноевропейской литературы и предполагает определенные требования к форме и содержанию произведения.

Модернизм как новое веяние в литературе зарождается накануне Первой мировой войны и достигает расцвета в двадцатые годы XX в. одновременно во всех странах Западной Европы и в Америке. Модернизм не имел национального признака и состоял из разных школ (имажизм, дадаизм, экспрессионизм, конструктивизм, сюрреализм и др.), участники которых объявили о разрыве не только с традицией реалистического правдоподобия, но и с западной культурно-литературной традицией вообще.

«В литературе модернизм пришёл на смену классическому роману. Вместо жизнеописания читателю стали предлагать литературные интерпретации различных философских, психологических и исторических концепций (не путать с психологическим, историческим и философским романом, которые являются классическими), появился стиль, названный "поток сознания", характеризующийся глубоким проникновением во внутренний мир героев» [Там же]. Поэтика модернизма характеризуется тем, что человеческое существование здесь осмысливается как краткий хрупкий миг: человек может осознавать или не осознавать трагизм, бренность абсурдного мира, но дело писателя – показать ужас, величие и красоту, заключенные вопреки всему в мгновеньях земного бытия. Модернисты превыше всего ставят ценность индивидуального художнического видения мира, создаваемые ими художественные миры уникально несхожи друг с другом, и на каждом лежит печать яркой творческой индивидуальности.

Существенным моментом в понимании поэтики модернизма является то, что он зародился в конце XIX – начале XX в., т.е. в преддверии и в период Первой мировой войны, и усиленно развивался в первые три десятилетия XX в. – в эпоху разрушений традиционных устоев (как социально-политических, так и морально-нравственных) и революционных преобразований. Это было время кризиса, перемен, смуты, когда ценность человеческой жизни упала до критического минимума. Исходя из этого, можно утверждать, что литература модернизма – это адекватная реакция художественного творчества на внешнюю негативную и дискомфортную для человека ситуацию. Вместе с тем модернизм – это явление западной культуры, которое противостоит и разрушает критерии классической литературы.

Данное положение порождает правомерный вопрос: какой период, какую литературу следует считать классической в истории чувашской литературы? Вопрос неоднозначный и сложный. Чувашская письменная литература появилась в конце XIX в., в этот же период зарождается и модернизм в западноевропейской литературе и культуре, классической литературой для чувашской словесности становится фольклор, что само по себе весьма спорно. Вероятно, здесь уместнее говорить, что становление чувашской классической литературы и проникновение в нее элементов модернизма происходило параллельно. То есть для чувашской

литературы выражение идей неклассической философии в классическом произведении (к примеру, в поэме К. Иванова «Нарспи») – эстетическая норма.

Для более полного понимания сложившейся для чувашской литературы ситуации можно обратиться к татарской литературе, в которой благодаря своей связи с мусульманско-арабской литературой Востока сложилась совершенно иная ситуация. Как отмечают исследователи модернизма в татарской литературе, «синтетическая природа татарской литературы начала XX века обеспечивается диалогом культур Востока и Запада, плюрализмом эстетических концепций различных художественных направлений, форм, жанров и стилей, диалогом литературы и философии» [4, с. 185]. Более того, «если в литературах Запада, а также многих народов Востока “поиск нового” начался с отказа от просветительской парадигмы в пользу романтической, у татар просветительская литература стала основой, базой для становления самобытной национальной культуры» [Там же, с. 6]. Вместе с тем (что также весьма существенно для понимания зарождения модернизма не только в татарской словесности, но и в любой другой национальной литературе вообще) «проявление авангардных поисков в татарской литературе начала XX века (по мнению Д. Ф. Загидуллиной. – А. М., Г. И.) началось с трансформации идейных ориентиров: место просветительских или этических установок все больше стала завоевывать новая социально-философская концепция, которая имела два источника: национальную идею и общечеловеческую направленность. Возрожденческие стремления, желания и действия татарской интеллигенции, направленные на развитие своей нации, были созвучны стремлению создать светскую национальную литературу. Процессы секуляризации, начавшиеся в татарском обществе болезненно, стимулировали активизацию экзистенциального компонента в художественном сознании» [Там же, с. 186].

Обобщения татарской исследовательницы Д. Ф. Загидуллиной наталкивают на мысль о том, что модернистские тенденции национальной литературы изначально основываются на философии национального миропонимания и национального мироустройства. В связи с этим немаловажным становится вопрос: что наиболее близко национальной литературе, в частности чувашской, из западноевропейского модернизма? К примеру, «согласно художественной концепции экспрессионизма, сущностные силы личности отчуждены в противостоящих человеку и враждебных ему общественных институтах: все безысходно, мир враждебен личности» [2, с. 388]. Находит ли данный тезис свой отклик в чувашской художественной словесности? В какой-то степени да. Так, к примеру, если мы обратимся к поэме К. Иванова «Нарспи», написанной в 1907-1908 гг., то для нее тезис «мир враждебен личности» становится основной идеей. Поэт разрабатывает эту идею (а именно то, что человек покоряется своему миру) в конфликте героев и в развитии сюжета. Так, герои произведения делятся на два непримиримых «лагеря»: с одной стороны, Сетнер со своей старой матерью, с другой – Михетер и Тăхтаман. И непримиримой пропастью для них становится «мул» – богатство. Главная героиня поэмы Нарспи по воле бога и судьбы оказалась между этими двумя лагерями – между любимыми родителями и любимым молодым человеком. Поэт уже в начале поэмы предрекает ей трагическую судьбу:

Аван иртрĕ пуранăç
Хĕрĕн сÛлĕ туличчен,
Ашшĕ килне хăтана
Çичĕ ютран киличчен [5, с. 92].

Хорошо жила девица
До положенных годов,
До поры, пока в дом отчий
Не прислал жених сватов (перевод П. Хузангая) [Там же, с. 93].

Следует заметить, в переводе на русский язык трагизм героини не отражается так глубоко, как в чувашском варианте, так как использованное в оригинале словосочетание «çичĕ ютран», «çичĕ ют» имеет и свое поэтическое значение «враждебный, чужой». Это уже предвестник трагической развязки конфликта. И, как это видно в ходе развития сюжета, герои иллюстрируют читателю, как мир жесток и враждебен к судьбе конкретного человека. Гибель всех главных героев (Тăхтамана, Михетера и его жены, Сетнера, Нарспи) в эпилоге поэмы – это, вероятно, протест самого поэта против несправедливого мира. В данном произведении нет социального конфликта. Здесь больше отражен конфликт поколений, показана борьба добра и зла, изображено противостояние справедливости и несправедливости.

Возвращаясь к проблеме близости некоторых концепций модернизма национальной литературе, отметим, что, к примеру, особенностью поэтики экзистенциализма является «интеллектуализм, художественное моделирование ситуаций, выявляющих концепцию автора, высокая степень условности» [2, с. 394]. Здесь наиболее интересен тезис «художественное моделирование ситуаций, выявляющих концепцию автора, высокая степень условности», так как литература как словесное искусство широко использует прием моделирования ситуаций для различных целей, для выявления концепции автора в том числе. Попробуем применить данный тезис к поэме К. Иванова «Нарспи», в которой, по наблюдениям Ю. М. Артемьева, «мир чувашский живет по своим законам, строго соблюдаются традиции и обычаи, сильбияне богобоязненны, для них сакральное и реальное связаны неразрывно. Эти многовековые устойчивые нормы жизни и представления освящены авторитетом как мудрых предков, так и богов чувашских» [1, с. 244-245]. И действительно, анализ поэмы показывает, что художественный мир данного произведения создан или «смоделирован» писателем на основе культурных традиций и философии чувашского народа.

Ранее мы оговаривали, что в поэме явно выражено авторское видение и его протест против внешнего мира. Более того, поэт бросает вызов устоявшимся национальным традициям, в частности патриархально-общинным устоям, так как побег Нарспи и Сетнера в ночь перед свадьбой, убийство Тăхтамана женой никак не укладываются в эти рамки. Вероятно, подобное художественное моделирование ситуации К. Ивановым связано с его возрастом: в момент написания поэмы ему было 17-18 лет. Это достаточно ранний период жизни, когда несправедливость мира воспринимается наиболее остро и трагично. И те обращения

к своим родителям, к богу и судьбе, которые вложил поэт в уста Нарспи, наиболее типичны мировоззрению человека именно этого возраста.

Таким образом, обобщая некоторые наши рассуждения, нужно подчеркнуть, что проникновение модернистских тенденций в чувашскую литературу начала XX в. происходило в основном на идейно-содержательном уровне, то есть можно обоснованно утверждать о синтезе неклассических западноевропейских философских учений и чувашского национального менталитета в произведении художественной литературы. Все это позволяет говорить о том, что в чувашской литературе происходит некоторый диалог Запада и Востока, западного и восточного мировосприятия, так как истоки чувашской национальной культуры имеют глубокие восточные корни.

В качестве характерного примера подобного диалога можно рассмотреть широко разрабатываемую западной культурой проблему свободы выбора человека и выражения индивидуально-эгоистических устремлений личности. Данная проблема имеет свое отражение и в поэме К. Иванова «Нарспи»: с одной стороны, это проблема свободы выбора молодых людей своей судьбы (противостояние Нарспи и Сетнера воле родителей девушки), с другой – проблема свободы выбора поступков чувашской женщины (убийство Тэхтамана и самоубийство Нарспи). Вместе с тем, на наш взгляд, проблема свободы женщины в чувашской литературе никак не связана с феминистическим движением (оно возникло на Западе еще в XVIII в.) и феминистической философией западной культуры, так как в поэтике чувашских произведений, особенно начала XX в., сильны патриархально-национальные традиции. Именно поэтому герои этих произведений совершают поступки согласно кодексу чувашской национальной культуры и национального менталитета.

Строгое подчинение традициям своего народа характерно не только для чувашской женщины, но и для большинства национальностей России начала XX века. Эта тема глубоко изучалась, к примеру, в марийской литературе 1920-х гг., в творчестве Д. Орая и И. Ломберского. Однако в их рассказах уже присутствует контраст старого и нового: «Художники осмыслиют в новых общественных условиях традиционные типы поведения и сознания марийской женщины, соотнося пространственные архетипы сватовства с реалиями нового времени, несущего новую культурно-этическую парадигму жизни» [6, с. 130].

В данном исследовании мы уже говорили, что модернизм синтезировал в мировой и русской литературах в момент исторического перелома жизни европейского и русского народов, т.е. в периоды войн и революций конца XIX – первой трети XX в. И здесь вполне уместен вопрос: какими же внешними и внутренними факторами обусловлено развитие модернистских тенденций в национальной (в частности, чувашской) литературе? Бесспорно, мировые военно-революционные потрясения не могли не коснуться чувашской социально-культурной жизни. Однако, на наш взгляд, они не являлись ключевыми причинами изменения художественно-философского взгляда писателей начала XX в., а основными внешними факторами стали: 1) основание Симбирской чувашской учительской школы в 1868 г., что позволило чувашам (а многие учащиеся в дальнейшем стали писателями) углубиться в толщину русской и мировой культуры, ознакомиться с учениями русских и западноевропейских философов; 2) создание Чувашской автономной области в 1920 г., что вдохнуло в чувашскую интеллигенцию чувство собственного достоинства и равенства. Именно под таким эмоционально-эстетическим воздействием в 20-х гг. XX в. творили М. Сеспель [9], П. Хузангай [Там же], А. Петокки [3], последнего из которых называют первым «футуристом» в чувашской литературе, и др.

На наш взгляд, именно названные выше события сыграли огромную роль в процессе познания чувашской народной жизни через призму европейского мировосприятия, в синтезе традиционной чувашской и западноевропейской философии в художественном произведении. Эти события стали переломными моментами в духовной жизни народа, так как в определенной мере воздействовали на мировосприятие чуваша. Это, в свою очередь, привело к тому, что изменилось осознание народом своего места во времени и в пространстве, появилась естественная необходимость расширения в сознании чуваша границ своего предназначения в истории человечества.

Следует особо отметить, что внешние и внутренние факторы развития модернистских тенденций в чувашской художественной литературе взаимообусловлены. В произведениях чувашских писателей модернизм не вытесняет традиционное мировоззрение, а дополняет его, то есть чувашская литература впитывает в себя лишь те особенности модернизма, которые расширяют рамки народной философии и способствуют формированию собственной философско-эстетической позиции автора. Именно поэтому в чувашской литературе начала XX в. проявление западного модернизма не столь очевидно, чем, к примеру, во второй половине века в творчестве Г. Айги [9], в прозе Ю. Скворцова [8] (на волнах «хрущевской оттепели»), в драматургии Б. Чиндыкова [7] (во времена «горбачевской перестройки») и др.

Таким образом, подводя итог нашего исследования, заметим, что чувашское словесное творчество с периода своего зарождения и особенно в XX веке стремилось к синтезу эстетических идей и философских учений на идейно-содержательном уровне произведения. Диалог литературы и философии в чувашском художественном творчестве происходит на уровне гармоничного сочетания традиционного и «нового», своего и чужого. При этом в произведениях классической литературы традиционное доминирует или модернистские тенденции глубоко завуалированы, о чем позволяет говорить и проанализированная нами поэма К. Иванова «Нарспи».

Список литературы

1. **Артемьев Ю. М.** Константин Иванов: жизнь, судьба, бессмертие. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013. 256 с.
2. **Борев Ю. Б.** Эстетика. Изд-е 4-е, доп. М.: Политиздат, 1988. 496 с.
3. **Васильев Н. С.** Краткий очерк истории чувашской литературы. М.: Центральное изд-во народов СССР, 1930. 147 с.
4. **Загидуллина Д. Ф.** Модернизм в татарской литературе первой трети XX века. Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. 208 с.

5. **Иванов К. В.** Сочинения / на чув. и рус. языках. 2-е изд-е, доп. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. 447 с.
6. **Кудрявцева Р. А.** Марийская женщина в бытовом пространстве времени (на материале рассказов 20-х годов XX века) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. II. С. 130-133.
7. **Мышкина А. Ф.** Чувашская художественно-философская и художественно-публицистическая проза второй половины XX века. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2005. 275 с.
8. **Никифорова В. В.** Особенности художественной прозы Юрия Скворцова: дисс. ... к. филол. н. Чебоксары, 2002. 191 с.
9. **Родионов В. Г.** Этнос. Культура. Слово. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. 551 с.
10. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Модернизм> (дата обращения: 10.03.2015).

MODERNIST TENDENCIES IN THE CHUVASH LITERATURE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Myshkina Al'bina Fedorovna, Doctor in Philology
Il'ina Galina Gennad'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
The Ulianov Chuvash State University
alb-myshkina@mail.ru; galiil69@mail.ru

The article deals with the issues of penetration of the teachings of Western non-classical philosophy in the poetics of national literature at the beginning of the XX century. The authors express their view on the formation of the Chuvash classical literature and on the reasons of penetrating the modernist tendencies of Western culture into it. The poem of the classic of the Chuvash poetry K. Ivanov "Narspi" is analyzed in terms of the expression of modernism elements in it. Special attention is paid to the peculiarities of synthesis of national (Chuvash) attitude and non-classical philosophy in the classic work.

Key words and phrases: non-classical philosophy; Chuvash classical literature; poetics of modernism; "modelling of the situation"; dialogue between Western and Eastern philosophy; freedom of choice; synthesis of literature and philosophy.

УДК 811.512.157

Филологические науки

В данной статье рассматривается традиционная пища якутов как источник жизненной энергии на примере ряда текстов героического эпоса – олонхо. Основное внимание автор акцентирует на выявлении компонентов традиционной пищи якутов как составляющих материальную культуру данного народа в эпических текстах. В олонхо описывается в основном кумыс как напиток «богатырей» среди других молочных продуктов, которые издревле входят в комплекс традиционной пищи якутов. Гостей угощают не только кумысом, но и другими национальными блюдами.

Ключевые слова и фразы: традиционная пища; героический эпос; материальная культура; якутский напиток – кумыс; эпический текст; источник сил; национальное блюдо.

Николаева Татьяна Николаевна, к. филол. н., доцент
Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова
tnikolaeva184@mail.ru

ТРАДИЦИОННАЯ ПИЩА ЯКУТОВ КАК ИСТОЧНИК ЖИЗНЕННОЙ ЭНЕРГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА – ОЛОНХО)©

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 15-14-14004.

На северо-востоке Азии якуты представляли единственную тюрко-монгольскую этническую группу, расположенную в виде острова среди большого мира маньчжурских и палеоазиатских племен и народов, которых они значительно превосходили своей численностью. Среди окружающих народов пища якутов, как и другие виды их материальной культуры, по составу и технологии приготовления занимала особое, более чем самостоятельное место [9, с. 24].

О кумысе впервые упомянуто в записках Исбранта Идеса: «Этот кумыс представляет собой водку из молока, которую якуты обычно употребляют в основном во время ысыахов» [3, с. 27].

В. Л. Серошевский определял якутский кумыс следующим образом: «Кумыс – это сырое кобылье молоко, пришедшее в кислое и спиртное брожение. Приготавливается оно у якутов таким образом: парное кобылье молоко, остывшее в подойнике до обыкновенной температуры, сливают в смир, продыmlенный кожаный мешок с узким горлышком. Затем молоко старательно взбалтывают мутовкой. Мешок для приготовления кумыса стоит обыкновенно недалеко от камина, на низком стульчике, подвзанный во избежание падения за “уши” на длинном ремне к крыше дома. Дети и женщины между делом подходят к нему и взбалтывают содержимое.